Анна Данилова

Искупление

Часть сборника
Crime story № 8 (сборник)

Анна Данилова
Искупление

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162627
Весенний детектив. Антология детективного рассказа.: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26388-2

Аннотация

«– Ну, как она там? По-прежнему? Обо мне и слышать ничего не хочет? Понятно… Ладно… Давай так. Снова собери ей продукты, принеси, скажи, что от тебя, что ты – подруга и не можешь не помочь ей в трудную минуту… Я это уже говорил? Да я все понимаю……»

Содержание

1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Анна Данилова
Искупление

1

– Ну, как она там? По-прежнему? Обо мне и слышать ничего не хочет? Понятно… Ладно… Давай так. Снова собери ей продукты, принеси, скажи, что от тебя, что ты – подруга и не можешь не помочь ей в трудную минуту… Я это уже говорил? Да я все понимаю… Но что могу поделать? От меня-то она все равно ничего не примет… И еще, Аля, не забудь про гранаты… Ты же говоришь, что она болеет, что у нее постоянно что-то болит, что она по-прежнему прихрамывает… Господи, я же мог бы отвезти ее к лучшему хирургу… И как это ее угораздило подвернуть ногу? Неужели она не понимает, что в таких делах медлить опасно? Сколько это уже продолжается? Три дня?… Не расстраиваться? Что-нибудь придумаешь? Да разве тут можно что-нибудь придумать?! Я уже себе голову сломал надо всем этим… Все понимаю умом, но поделать ничего с собой не могу… Ну что, все? Договорились?

…Произнося последние слова, Сергей Николаевич Борисенко уже осознавал, что находится в машине не один, что,

помимо водителя, рядом с ним сидит его брат Григорий, человек хоть и близкий ему и понимающий, но все равно продолжающий придерживаться своих принципов.

«Мерседес» плавно двигался вдоль Садового кольца, водитель в душе молил бога о том, чтобы та пробка, которую они только что пережили, была на их пути последней.

– Сережа, я понимаю, что с тобой давно уже бесполезно разговаривать на эту тему. Больше того, что эта тема для тебя болезненная, но все равно скажу… Просто не могу сказать. Ты ведешь себя как тряпка. Твоя жена ушла от тебя к другому, понимаешь? Она тебя бросила. Оставила все, понимаешь, все, ради чего другие женщины готовы на все, – на унижения, предательство, даже на преступления…

– В том-то и дело, что она все бросила… – нервно произнес Сергей Николаевич. Русоволосый, с бледным лицом и большими карими глазами, мягкими движениями и внешне выглядевший много моложе своих лет (ему недавно исполнилось сорок), Сергей Борисенко тем не менее, руководя большим количеством людей, умел при всей своей внешней незащищенности и неуверенности быть строгим и подчас даже жестоким. Но только не по отношению к своей жене… Бывшей… Бывшей ли? Они же так и не успели развестись…

– Сережа, она все бросила ради похоти, неужели ты не понимаешь? Она словно сорвалась с цепи… Она же ушла с этим негодяем прямо с дня рождения Вити Караваева, на глазах у всех. На твоих глазах!.. Я, правда, не видел, но мне

рассказывали: он увел ее прямо за руку… она была словно парализована… Она что, не понимала, что бросает тебя? Что обратного хода не будет? Что она своим уходом наплевала тебе в душу?! Ты для нее сделал все, она жила, как… как я не знаю кто… Могу представить себе, сколько ты положил на ее счет… Да она в роскоши купалась, ела, можно сказать, с золотых тарелок…

– Я справлялся, с тех пор она не взяла со своего счета ни рубля, – кротко заметил Сергей. – И это при том, что та скотина ее бросила, что Люба голодает, что она болеет… Она прихрамывает, представляешь? И вообще, эта ее подруга, с которой я сейчас говорил…

– Кассирша, что ли, с которой твоя любимая работала в супермаркете? – усмехнулся Григорий.

– Да… Аля говорит, что Люба находится в глубочайшей депрессии, что она на грани, понимаешь?!

– А ты как думал? Слишком уж разительный контраст… Сначала жить с тобой, как у Христа за пазухой, а потом упасть ниже некуда, стать нищей, снимать квартиру…

– Да вот еще и квартира… Она задолжала за три месяца… Аля говорит, что ее могут выгнать, если она не найдет денег. Но если она ей даст эти деньги, то это будет выглядеть противоестественно. Откуда у простой кассирши тысячи долларов?

– Значит, переедет в более скромную квартиру.

– Сейчас сложно найти дешевую квартиру.

– Пусть ищет коммуналку.

– Какой же ты жестокий, Гриша! – воскликнул в сердцах Сергей. – Ты же раньше любил Любу, восхищался ею, говорил, что она – сама доброта, что мне повезло с женой… Скажи, ты говорил так? Говорил?

– Не цепляйся за воспоминания. Это было давно и неправда. С тех пор прошло хоть и не так уж много времени, но многое изменилось… Твоя жена изменилась. Она предала тебя. Она изменила тебе с другим, она променяла тебя, человека порядочного, любящего, на какого-то бродягу… Я так и не понял, откуда он взялся… Не удивлюсь, если узнаю, что он положил на нее глаз еще раньше… перед днем рождения Караваева и что он подбивал к ней клинья исключительно потому, что она – твоя жена… Думаю, что он и бросил ее только потому, что она отказалась просить у тебя денег для него…

– Наконец-то ты понял это.

– Да все об этом говорят.

– Меня не интересует, кто и о чем говорит. Я хочу, чтобы она вернулась ко мне. Но ее, как говорит Аля, мучают угрызения совести, она испытывает чувство вины… А я знаю Любу – она не вернется… И пропадет…

Сергей вздохнул и вцепился пальцами в портфель. Отвернулся к окну. Майское солнце играло в витринах открывающихся магазинов, сверкало в стеклах проезжающих мимо машин… Москва оделась в пышную нежную зелень, попа-

давшие в поле его зрения женщины выглядели празднично, свежо… Он представил себе Любу, одиноко бредущую по тротуару и прихрамывающую… Какую же ножку она себе повредила? Правую или левую? Он забыл спросить у ее подруги… У Любы такие красивые ноги, и вся она такая беленькая, стройная, нежная… Что с ней случилось в тот вечер? Почему она ушла с тем парнем? Может, и правда испытала к нему сильное сексуальное чувство? Но она никогда прежде не была страстной, хотя и старалась отвечать на его чувства… В ней было так много нераскрытости, стыдливости, и это ему так нравилось… И вообще, он был ее первым и, как он считал, единственным мужчиной. Они прекрасно жили два с половиной года… Пока не случился этот проклятый день рождения… И хотя прошло уже полгода с того времени, как Люба ушла от него, он никак не мог выбросить из головы то счастливое время, что они прожили вместе. После женитьбы все изменилось в судьбе молодого, известного в Москве архитектора Сергея Борисенко. Его жизнь, прежде наполненная исключительно работой, теперь была разделена на две части, первую из которых занимали дела, вторую – его тихая и ласковая жена Люба, его отношения с ней, приятные семейные заботы, обустройство новой квартиры и бесконечное тепло, переполнявшее теперь его существование. Его тянуло домой, ему хотелось как можно скорее оказаться рядом с женой, ужинать вместе с ней, разговаривать, лежать с ней на диване перед телевизором, мечтая о детях или по-

купке загородного дома… Нравилось ему делать ей подарки, он испытывал подлинный восторг, когда ему удавалось угодить ей, доставить радость. Он мог подолгу целовать ее бледно-розовые теплые губы, играть ее тяжелыми каштановыми волосами, обнимать ее в темноте, крепко прижавшись к ее ставшему таким родным телу. Сам не искушенный в физической любви, он постигал эту приятную науку с наслаждением, и ему казалось, что и Любе доставляет это удовольствие, что и она вместе с ним каждый раз открывает для себя что-то новое, прежде не изведанное… Они как повзрослевшие дети учились любви…

Теперь же, вспоминая об этом, он почему-то испытывал жгучий стыд и связывал это с чувством вины: а что, если он сам во всем виноват и Любе не хватало чего-то большего в интимной жизни? Только в этой сфере их отношений Сергей испытывал неуверенность (причем, именно в силу своей неопытности), поскольку во всем остальном Люба должна была быть счастлива. Они были молоды, здоровы и очень богаты. Перед ними простиралась долгая и счастливая жизнь… Так что же произошло тем вечером на дне рождения Вити Караваева, чем так заворожил, примагнитил к себе нежную и не искушенную в любви Любу парень, имени которого так никто и не вспомнил? И как он вообще оказался на той вечеринке? Караваев потом клялся, что видел его у себя вообще первый раз… Сошлись на том, что этот незнакомец с жгучими черными глазами и длинными волосами – проходимец…

– Радуйся, – сказал ему как-то Виктор на ухо, обдавая коньячным духом (друзья ужинали в ресторане, изливая друг другу душу), – что он Любу твою не раздел и не ограбил, а потом зарезал прямо на лестнице, что она вообще жива… Она же вся сверкала брильянтами в тот вечер…

Вот Витька – единственный, кто поддерживал его, кто понимал его страдания и не осуждал за мягкотелость и готовность простить сбежавшую жену.

– Из всех зол всегда следует выбирать меньшее, – похлопывал он Сергея по плечу. – Это она сейчас не может к тебе вернуться, а потом вернется… Все принципы рано или поздно упираются в голод, а голод – это, скажу я тебе, страшная вещь…

И хотя он был прав, Сергею все равно было неприятно, что разговор о голоде идет применительно к его жене, Любе, что это она голодает, что она брошена, что у нее долги…

Это люди Виктора Караваева разыскали Любу, узнали, где она снимает квартиру (причем одна), что работает кассиршей (!!!) в расположенном рядом с ее домом супермаркете. Сергей поехал к Любе, но когда она, открыв дверь, увидела его, тотчас захлопнула ее… Они разговаривали через дверь, тихо, как очень близкие, но расставшиеся навсегда люди… Он говорил, что готов принять ее, что простил и хочет, чтобы они снова жили вместе. Люба же тихо плакала за дверью и говорила, что ей стыдно и что она никогда не вернется к

нему, что она должна заплатить за свою ошибку, за предательство и что после всего того, что она натворила, между ними все равно уже никогда не будет тех, прежних, отношений, которыми они вместе когда-то дорожили… И что это справедливо, что она живет теперь так, как живет…

Он приходил потом еще раз, знал, что она дома, но она так и не открыла дверь… А позже, познакомившись с ее подругой Алей, которая время от времени навещала Любу, Сергей, чувствуя, что с женой происходит что-то нехорошее, опасное (к тому времени он уже знал, что Люба не ходит на работу, возможно, болеет), попросил помочь ему передавать Любе хотя бы продукты и лекарства.

– Ей нужны успокоительные средства, – призналась Аля.

Сергей нашел ее в супермаркете, за кассой – на своем рабочем месте. Говорили быстро, поскольку была очередь.

– Вот, это продукты, которые ей надо передать… Что еще? Может, деньги?

– Она может догадаться, – закатила глаза Аля, маленькая полненькая брюнетка с усиками над верхней губой. – Нет, продукты я ей так и быть принесу, скажу, что от меня лично… Как и всегда. А вообще-то у нее депрессия. Она говорит только о вас, о том, что…

Но она так и не успела договорить. Очередь возмущалась, да и невозможно было дальше продолжать этот разговор в присутствии посторонних людей. Ярко освещенный огром-

ный супермаркет напоминал гигантский аквариум с плавающими в нем разноцветными фигурками… И что-то праздничное и вместе с тем неестественное было в этом обилии красок, света, шума… Особенно рябило в глазах возле стеллажей с фруктами. Апельсины резали глаза своей флюоресцентной оранжевостью… Сергей снова сделал круг, толкая впереди себя корзину, и вновь оказался возле кассы…

– Вот, гранаты… можно ваш телефон, Аля?

Она быстро нацарапала на клочке бумаги номер и протянула ему.

– Она очень плоха… Но я постараюсь убедить ее в том, что вам надо хотя бы встретиться и поговорить… нормально, как цивилизованные люди… Поверьте, мне ее и вас искренне жаль… Знаете, – добавила она шепотом, – у нее волосы начали выпадать…

…Он очнулся. Григорий что-то говорил ему, но он никак не мог воспринять смысл его слов.

– Сережа, что с тобой? У тебя лицо белое как бумага, – Гриша внимательно посмотрел на брата. – Тебе плохо?

– Нет, нормально. Только горло болит. Глотать больно. Проклятье…

– Я-то думал, что у меня брат – здравомыслящий человек… Ты оглянись только! Посмотри, какое восхитительное утро! Весна, брат! Какой воздух…

– С воздухом ты явно перебрал… – сухо заметил Сергей. –

Где это ты в Москве, да еще и в самом ее центре, нашел свежий воздух?

– Все равно… Небо какое… нежное, голубое…

– Не старайся… Из тебя все равно бы не вышел поэт.

Они приехали на место. Машина подрулила к вычурному, украшенному лепниной бледно-желтому особняку – офису архитектурно-строительной фирмы, которой руководил Сергей.

Выйдя из машины, он задрал голову вверх – ярко-голубое небо, насыщенное солнечным светом, ослепило его…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.